

УДК 81'23

СЛОВСОЧЕТАНИЕ КАК ПРЕВРАЩЕННАЯ ФОРМА И ЦЕЛЕСООБРАЗНАЯ РЕЧЕВАЯ СТРУКТУРА

К.Я. Сигал

Институт языкознания РАН, Москва

В статье показано, что словосочетание представляет собой форму опосредования прагматических интенций говорящего. С целью психолингвистического анализа словосочетания должно быть использовано понятие «превращенной формы».

Ключевые слова: словосочетание, превращенная форма, прагматическая мотивация синтаксиса.

Word-combination as a Converted Form and Intentional Speech Structure

Kirill Ya. Seagal

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow

It is shown in the article that word-combination is a mediation form of pragmatic intentions of the speaker. The notion «converted form» should be used with the purpose of psycholinguistic analysis of word-combination.

Key words: word-combination, converted form, pragmatic motivation of syntax.

Как известно, в теории речевой деятельности, получившей развитие в отечественном языкознании с середины 1960-х гг., философское понятие «превращенной формы» было введено в систему психолингвистической интерпретации речевых явлений. По мысли Е.Ф. Тарасова, «признание за внешними проявлениями статуса превращенной формы не позволяет... “напрямую” переносить наблюдаемые закономерности на внутренние процессы» [6. С. 144]. Представляется, что исследование словосочетания в свете теории речевой деятельности невозможно без обращения к понятию «превращенной формы». Как показывает теоретико-методологическое осмысление учения о словосочетании, без этого понятия словосочетание неизбежно моделируется как «одноплоскостный» механизм (ср., например, валентностный синтаксис), фактически исключающий «поиск мыслительных и предметных деятельностей, отложившихся в превращенной форме сложного объекта» [6. С. 146], т. е. словосочетания.

Сквозь призму понятия «превращенной формы» развертка словосочетания видится как многовариантная (эквивифинальная) и связанная с разнообразными ориентировками (эвристическая) система речемыслительных операций, позволяющая говорящему представить тот или иной компонент высказывания как описание посредством подчинительной связи слов. Тем не менее, наблюдая словосочетание в его собственно синтаксическом качестве, лингвист имеет дело исключительно с «превращенной формой» словосочетания, за которой скрыты сложная речемыслительная работа

говорящего и, главное, идущая из мотивационной сферы и инициирующая развертку словосочетания прагматическая целесообразность.

Мотивационные истоки свободного словосочетания обычно связывают с когнитивной неэлементарностью сообщения, с комплексированием мысли, с разными способами «понижения» предикативной актуальности смысловой информации. Это объясняется тем, что в своей речевой деятельности говорящий обычно стремится не использовать минимальные реализации структурных схем предложений. По наблюдениям В.П. Коневой, такие предложения не только раритетны, но и специализированы в семантическом и композиционно-текстовом плане [1].

Тем не менее целесообразный характер словосочетания как речевой структуры, наоборот, может быть связан с недостатком предметно-практического и когнитивно-речевого опыта. Ср.: «Помню, как прихожане московского храма Святых страстотерпцев Бориса и Глеба в первый раз привезли в Оптину пустынь детей из специнтерната. Автобус запарковался на лужайке, где щипал травку теленок, и дети в изумлении бросились к нему: – Это кто – **большая собака**? Смотрите, собака, а травку ест. Она кусается? – Нет, не кусается. Это теленок» (Н. Павлова. «Михайлов день»). В данном случае словосочетание не столько деактуализирует предикацию (ср.: «Собака большая»), сколько оказывается *ad hoc* описанием предмета, подлинная категоризация и название которого неведомы говорящим. По сути дела, словосочетание здесь безальтернативно, оно является негативным результатом операции поиска слова: ведь психолингвистически «слово есть его поиск» [2. С. 204].

Совсем иначе – более «рельефно» – прагматическая целесообразность обнаруживается в условиях очевидного предпочтения словосочетания, когда развертка словосочетания вызвана, в частности, идеологическим отказом от слова. Ср.: «...Нет, я не скажу, чтобы он (знакомый – К. С.) был очень привязан к лесу, хотя, бывало, часами бродил по парку, приезжая к нам **в именье**... Впрочем, это было **совсем небольшое поместье**, скорее просто так, **старинная хижина с колоннами**, – быстро поправились она (женщина – К. С.), заметив ревнивое и пристальное Полино любопытство» (Л. Леонов. «Русский лес»). В прямой речи здесь семантически избыточны вводные компоненты («впрочем», «скорее просто так»), в авторской речи – лексически избыточен глагол («поправились») и прагматически избыточен деепричастный оборот («заметив ревнивое и пристальное Полино любопытство»). Все эти метакоммуникативные операторы сопровождают и комментируют уточнение номинации, происходящее в процессе продуцирования высказывания (по структуре – микротекста, по функции в коммуникативном акте – развернутой монологической реплики).

Словосочетание как целесообразная речевая структура обнаруживается в случае приоритетности перцептивных характеристик предмета перед

функциональными (ср.: «белый прямоугольник справки» (П. Санаев. «Похороните меня за плинтусом») вместо «справка»), иронизации (ср.: «**взлом железного шкафа при помощи карандаша и фотографирование секретных документов с помощью пуговицы от штанов**» (А. Солженицын. «В круге первом»), где без инструментальных распространителей словосочетания приобретают иной семантико-стилистический модус), эвфимизации (ср.: «протираание глаз кредитными билетами» (Л. Леонов. «Русский лес») вместо «взятка»), обязательности оценочных компонентов словосочетания в контексте: «**Играть** на мхатовской сцене тяжело. **А играть** на ней **хорошо** вообще не-воз-мож-но» (Вяч. Невинный; Московский комсомолец, 18 апреля 2011 г.). Словосочетание оказывается целесообразным при истолковании слова, семантическая «непрозрачность» которого осознается в процессе речи. В частности, универбы в перцептивно-смысловом плане могут проигрывать словосочетаниям, так как эти «свертки» потенциально воспринимаются как соотносимые с разными в той или иной мере стабилизированными словосочетаниями. Ср. в речи женщины старше 80 лет: «По хозяйству мне помогают... приходит эта... **социалка... социальный работник**». Однако универб «социалка» употребляется также в значениях „объект (ы) социальной инфраструктуры“, „социальная сфера“, „социальная карта“ и т. д.

На обращении к словосочетанию как целесообразной речевой структуре основаны разные формы языковой игры. При создании словосочетания говорящий может воспользоваться любым исходным номинативным материалом, в частности фразеологизмом, прецедентным словосочетанием, составным наименованием (топонимом и т. д.), но в любом случае то словосочетание, которое он создает в своей речи, оказывается свободным, заново построенным в расчете на новую коммуникативно-смысловую интенцию и на новое контекстное окружение. И это словосочетание не может быть как речевой продукт отождествлено ни с одним из видов исходного номинативного материала.

Ср.: «Дамы-профессорши, и раньше в трудное время тайно выпекавшие белые булочки на продажу наперекор запрещению, теперь торговали ими открыто в какой-нибудь простоявшей все эти годы под учетом велосипедной мастерской. Они **сменили вехи**, приняли революцию и стали говорить “есть такое дело” вместо “да” или “хорошо”» (Б. Пастернак. «Доктор Живаго»). Здесь описывается начало нэпа. «Смена вех» – название опубликованного в Праге в 1921 г. сборника статей, главной идеей которого стала идея принятия большевистской революции. Но важно, что писатель сопровождает словосочетание «сменили вехи», где вместо девербатива, употребленного в названии сборника, использует производящий глагол, не только сигнификативным пояснением, но и метаязыковой иллюстрацией.

В статье М. Задорнова «Страна глухонемых пролетариев» (Московский комсомолец, 5 февраля 2011 г.) читаем: «Раньше мы переживали **из-за утечки мозгов** из России. Сегодня новая беда – **течка мозгов** у наших министров». Сближению слов «утечка» и «течка» в языковом сознании сатирика способствовала паронимическая аттракция, вообще свойственная его манере письма. Механизмы здесь разные: формальное ассоциирование (в плане психолингвистики), произвольность вербального знака (в плане семиотики), семантическое обобщение однокоренных слов «утечка», «течка» и семантическое переключение одинаковых слов (словоформ): «мозги», «люди, занятые интеллектуальным трудом» и «умственные способности», а также – благодаря «живой» внутренней форме – бытовое вещественно-анатомическое значение (в собственно лингвистическом плане).

Известный педагог Е. Ямбург пишет: «Мне повезло с расположением школы, в которой я работаю вот уже тридцать шестой год. Дивное место на опушке леса в районе с романтическим названием **Теплый Стан**. Коллеги, приезжающие из других регионов на семинары, оценив расположение школы и экологическую обстановку, привычно шутят: “Мне **стан** твой понравился **теплый**”» (Московский комсомолец, 20 февраля 2012 г.). Здесь наблюдается не только апелляция составного топонима, сопровождаемая его перекатегоризацией, но и литературная аллюзия. Ср. у А.К. Толстого: «Мне **стан** твой понравился **тонкий** / И весь твой задумчивый вид, / А смех твой, и грустный, и звонкий, / С тех пор в моем сердце звучит»; а также у Венедикта Ерофеева в «Бесполезном ископаемом» (это выдержки из записных книжек), где писатель сам играет с литературными цитатами: «Мне / **Стан** твой понравился / **Теплый** / И весь твой...».

Все эти речевые факты свидетельствуют о том, что словосочетание как «превращенная форма» вбирает в себя те или иные прагматические «целедвижения», способствующие вполне определенному семантико-синтаксическому структурированию высказывания.

Надо полагать, что прагматически целесообразной развертке словосочетания в речевой деятельности противостоит неизбежность его употребления, связанная с отсутствием слова в лексиконе или в оперативной памяти. Представляется, что развертка словосочетания неизбежна в ситуации естественного / моделируемого остранения (ср. пример из Н. Павловой). Здесь прагматическая целесообразность присутствует в форме нереализуемости селективного действия во внутреннем лексиконе.

В то же время развертке словосочетания в речевой деятельности противостоит обратный процесс – свертка. Ср.: «У соседа **печень**» (ср. «**больная** печень»), «У толстяка **давление**» (скорее всего, имеется в виду «**высокое**»), где наблюдается семантическое включение конкретного атрибута; эллипсис, который надо отличать от явлений, возникших на его основе (ср., например, «столкновение» семантической производности,

«снимающей» у глагола признак переходности, и эллипсиса прямого объекта у переходного глагола-омонима в примере из «Монографии о графомане» М. Ардова: «А вот что рассказывал мой сослужитель – священник Петр Москалюнов: – Я тогда служил на дальнем приходе, на самой границе Московской области. Как-то привезли мне покойника из деревни. Гроб у него был великоват, а дорога тряская. И чтобы зафиксировать тело в определенном положении, туда насовали березовых поленьев... Открыли в церкви гроб, я эти поленья увидел и попросил убрать их на время отпевания... А когда чинопоследование совершилось, я им говорю: «Ну вот – можете **закладывать**». Я имел в виду – **поленья**. Но тут вдруг страшно оживились мужики: «Слыхал? Батюшка сказал, уже можно **закладывать!**» У них-то на уме были не поленья...»); интеграция словосочетания [3] и др.

В заключение особо отметим, что понятие «превращенной формы» оказывается объяснительным инструментом, позволяющим описывать неочевидное в очевидном. Идея «превращенной формы» способствует раскрытию «глубинного» слоя содержания относительно целостных речевых структур – словосочетаний, а именно – мотива их развертки. Кстати говоря, проблема «словосочетание и контекст», подступы к которой делаются синтаксистами уже давно [5], в рамках теории речевой деятельности не может быть поставлена без обращения к понятию «превращенной формы». Вместе с тем было бы преувеличением считать, что эвристика «превращенной формы» в полной мере осознана современными лингвистами (и даже психолингвистами), это понятие – философское, абстрактное – требует операционального опосредования, способного сделать это понятие рабочим в анализе конкретных речевых явлений, в которые весьма прихотливо и избирательно преобразуется иерархия деятельностей говорящего, в том числе эмоциональной [4].

Библиографический список

1. *Конева В.П.* Системно-функциональный анализ простого предложения в современном русском языке. Нижний Тагил: НГСПА, 2005. 222 с.
2. *Леонтьев А.А.* Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М.: Наука, 1969. 308 с.
3. *Сигал К.Я.* Интеграция словосочетания с точки зрения лингвистики и психолингвистики // Вопросы психолингвистики. № 2. 2015. С. 107-114.
4. *Синеокова Т.Н.* Парадигматика эмоционального синтаксиса. Н. Новгород: НГУ им. Н.И. Лобачевского, 2003. 244 с.
5. *Смольянинова Е.Н.* Словосочетание и контекст // Языковые единицы и контекст. Сб. научн. тр. Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1973. С. 123-130.
6. *Тарасов Е.Ф.* Тенденции развития психолингвистики. М.: Наука, 1987. 168 с.